

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Немного об истории и традициях	11
Материальное и компьютерное как отражение новых коммуникативных возможностей и проблема единства реальности	23
Взаимоотношения науки и религии	30
Проблема замкнутости философии	57
Диалог между человеческим и божественным	65
О морали	70
Недопущение войн	86
Отношение к античным корням	93
Немного о душе и разуме	98
Философия и вера	104
Из истории научной методологии	108
Болезни современного общества и методы их лечения	112
Проблема «современного человека»	132
Кратко о загадочном	133
Вместо заключения	134
Список литературы	135

Предисловие

Прежде всего стоит обратить внимание на обстоятельства появления данной монографии. В настоящее время в странах Западной Европы усиливается влияние ислама в связи с иммиграционными потоками и переселением народов, которые не только привозят с собой свои верования, культуру и обычаи, но зачастую не желают считаться с местными обычаями и традициями, условиями проживания и даже законодательством, навязывая местному населению свой образ жизни. Некоторые эксперты видят риск «болезни» христианства, считая необходимым вовремя «диагностировать» и лечить заболевание, – этой проблеме даже была посвящена отдельная тематическая конференция, организованная под патронатом католической церкви¹. Они также считают, что традиционной религии приносит вред распространение неолиберальных идей. Таким образом, по их мнению, возникает реальная опасность экспансии ислама как религии послушания на узкоконсервативной основе. Предлагаемая монография помогает лучше понять реальные процессы в современном католицизме и может рассматриваться как предложение возможного ответа на данные вызовы современности. Именно этим объясняется ее актуальность.

Думается, что данная публикация позволит пусть и не в полной мере осветить – такой задачи автор перед собой не ставит в столь краткой монографии, – но показать некоторые тенденции взаимоотношений католицизма с современной философской мыслью, а именно то, какие темы наиболее интересуют представителей этой церкви и как они пытаются совместить современную научную мысль с искренней верой в Бога. Для этого используются

¹ См. подробнее: *L'Europa, la malata di cristianesimo* / a cura di Colombo G. – Milano: Vita e pensiero, 2015. – XXXIII, 181 p. – (Filosofia ed esperienza religiosa; 5).

материалы публикаций журналов *Vita e pensiero* («Жизнь и мысль», «Вита е пенсиеро») и *Rivista di filisofia neo-scolastica* («Журнал неосхоластической философии», «Ривиста ди филозофия нео-сколастика»). Эти журналы освещают обширный список тем: как наиболее общие онтологические проблемы, так и отдельные аспекты, частные конкретные, но тем не менее актуальные вопросы, становящиеся объектом философских размышлений. В их числе труды из области метафизики – первой философии или философской примы – онтологии, эпистемологии, феноменологии, логики, философии науки, истории философии, а также из других отраслей философской науки. Авторы и издатели стараются сохранять свои позиции на передовых рубежах развития мысли, оставаясь в то же время верными традиции.

Название первого журнала, как и самого издательства, *Vita e pensiero* («Жизнь и мысль»), глубоко символично и объединяет в себе множество смыслов. Этот журнал предназначен и для тех, кто не видит своей жизни без высокой мысли, в том числе философской (издательством выпускаются тематические сборники, посвященные научным конференциям и целевым проектам), для кого мышление означает жизнь. Однако простой язык и научно-популярный характер адресуют его значительно более широкому кругу читателей – интересующимся философскими размышлениями и изысканиями представителям других общественных и гуманитарных наук, в том числе экономики, юриспруденции, социологии, политологии и мн. др. Кроме того, на страницах издания рассматриваются результаты внедрения достижений научной мысли в жизнь общества, экономику, социальную работу и т.д. Анализируется общая ситуация в образовании, науке и даются рекомендации по ее улучшению. Разумеется, определенное место уделяется вопросам теологии, веры, их роли в жизни человека и социума, а также влияния на образ мышления. Одновременно название подчеркивает высокий профессионализм авторов и издателей, связавших свою жизнь с высокой мыслью. Как и тот факт, что развитие человеческого общества невозможно без развития Мысли, и Мысль эту журнал несет в жизнь общества. Причем она, по мнению авторов и издателей, должна в той или иной мере связываться с сохранением и распространением христианских ценностей и веры, интерпретацией изложенного в Писании Слова Божьего.

В статье, посвященной отмечавшемуся в 2018 г. столетнему юбилею университетского издательства *Vita e pensiero*, особо подчер-

живается, что основная цель его существования, помимо передачи Откровения в публикациях цифровой эпохи, состоит в развитии бытия идей и освещении возникающих вокруг них дебатов. Это подразумевает постоянное осмысление знания и поддержание его активного использования вопреки инерции, зачастую охватывающей общество, а также передачу этого знания молодежи, которая уже вкладывает в него душу и которой подобный путь только предстоит пройти. Причем осуществляется данная деятельность посредством обеспечения доступности академических по своему характеру материалов для широкой аудитории – читателей, не являющихся специалистами в данных областях, – что обращает их, как говорит само название журнала, к истинной научной и теологической мысли, проистекающей из жизни и возвращающейся в нее¹. Так издатели, позиционируя себя как хранителей и христианской, и интеллектуальной западноевропейской традиции, понимают свою ответственность не только перед отцами-основателями Католического университета Святого сердца в Милане, но и перед будущими поколениями².

Выбор определения философии в названии основного тематического журнала «неосхоластическая» («neo-scholastica») говорит, с одной стороны, о верности собственным многовековым традициям, схоластике («scholastica») с ее общепризнанной строгостью логической аргументации и колоссальным, богатейшим наследием, которое тщательно собиралось и сохранялось на протяжении многих столетий, а с другой – об открытости новому («нео», «neo»), заключающемуся во внимании к современным тенденциям развития философской мысли, готовности использовать ее достижения, среди которых – новый инструментарий и новые методологии, в том числе аналитической и метааналитической философии, – наряду с готовностью к изменениям, если последние ведут к совершенствованию. Сложносоставное, состоящее из двух частей слово подчеркивает единство, практическую неразделимость двух указанных тенденций – внимание к зарождающемуся и развивающемуся новому вместе с сохранением лучшего из традиции старого мира.

Стоит напомнить, что первоначально термин «неосхоластика» (писавшийся в итальянском языке слитно) понимался несколько иным образом и был довольно значительно скомпрометирован.

¹ См.: Mottola A. Cent'anni dell'editrice, il futuro di una tradizione // Vita e Pensiero. – Milano, 2018. – An. 51, N 4. – P. 6.

² Ibid. P. 8.

Неосхоластическое движение зародилось в Италии в середине – второй половине XIX в., а его инициатором стал Гаэтано Сансеверино (1811–1865). Поддержка схоластики Ватиканом началась еще при Римском папе Пие IX, отметившемся самым долгим в истории понтификатом (1846–1878), и достигла кульминации при Льве XIII (1878–1903), который в энциклике «Вечный отец» («*Aeterni Patris*»), вышедшей в 1879 г., предложил восстановление христианской философии в духе Фомы Аквинского, открыв период «неотомизма», течения, изрядно подпортившего себе репутацию поддержкой фашистского режима Бенито Муссолини в Италии. За это официальному Ватикану впоследствии пришлось приносить свои извинения. Однако учение Ангелического Доктора, прежде всего его этика, вобравшая в себя в числе прочих аристотелевскую и стоическую, остается драгоценным наследием, бережно хранимым католической церковью¹, так как в ней особое внимание уделяется концепции способности к добродетели даже отягощенного грехами человека². Тесно связанная с воззрениями доминиканцев, провозглашавших милосердие основой существования своего ордена, эта этика была выбрана в качестве одной из наиболее гуманных и способных привлекать новых последователей, потому что призывает одних творить благотворительность, а другим предоставляет возможность получить ее, давая таким образом людям надежду на спасение. Новое написание термина «неосхоластика» в итальянском языке, через дефис, означает, с одной стороны, раскаяние в прошлых ошибках наряду с отказом от них и верностью лучшим традициям – с другой. В настоящее время его значение интерпретируется в вышеуказанном смысле, и современные католические мыслители стараются делать все от них зависящее для поддержания высокого реноме этого понятия.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что работы непосредственно по теологии как собственно богословию на страницах этих журналов встречаются достаточно редко. Это вполне объясняется тем, что *Rivista di filosofia neo-scolastica* – философский журнал, предназначенный для специалистов. В *Vita e pensiero* иногда публикуются статьи, излагающие и интерпретирующие ос-

¹ См.: Bruni L. *Gli spiriti del capitalismo. Breve giudo al loro discernimento // L'Europa, la malata di cristianesimo / a cura di Colombo G. – Milano: Vita e pensiero, 2015. – P. 102–103. – (Filosofia ed esperienza religiosa).*

² *Ibid.*

новы веры таким образом, дабы они были понятны современному трезвому и прагматичному, «разочарованному» европейскому человеку, что вполне согласуется с политикой католической церкви, заинтересованной в возвращении «заблудших овец» и приобщении новых мирян к своей пастве. Однако многие публикации, в первую очередь философские, заставляют задуматься о роли и месте завещанного Иисусом Христом в жизни человека, общества, государства и всего мира в целом.

Интересна редакционная политика журнала *Vita e pensiero*: в одну рубрику зачастую помещаются размышления представителя официальной католической церкви, философа-богоискателя – человека светского – и мыслителя, весьма далекого от религии. Как это, например, было сделано при рассмотрении проблемы «политеизма ценностей и человеческой природы», освещенной сотрудником кафедры истории философии Католического университета Святого сердца М. Леночи, преподавателем философии морали Государственного университета Милана Л. Боэллой и специалистом по теории философии Университета Мачерата К. Кануло¹. Авторы выбрали в качестве отправной точки размышления кардинала Джанфранко Равази, изложенные в статье «Краткие размышления о природе человеческой», опубликованной в предыдущем номере журнала. В частности, Леночи, констатируя постановку прелатом вопроса о том, каким стало понимание человеческой природы после «раздробления» аристотелевской метафизики, увеличения опасности перехода ценностей теизма в релятивизм, секуляризации, редукции и сведения философских концепций к вопросам полезности и мультикультурализма², предлагает для решения проблемы в очередной раз вернуться к католическому теологическому и философскому наследию, ныне считающемуся многими «превзойденным»³. При этом он рекомендует делать это посредством диалога с представителями других точек зрения, пытаясь понять, насколько их концепции совместимы с предназначением христианства и содействуют его процветанию и развитию⁴.

¹ См.: Boella L., Canullo C., Lenoci M. Il politeismo dei valori e la cultura umana // *Vita e pensiero*. – Milano, 2016. – An. 99, N 2. – P. 62–71.

² Ibid. P. 62.

³ Ibid. P. 63.

⁴ Ibid.

Таким образом, чтобы диалог с окружающими стал прежде всего разговором с Богом¹.

Лаура Боэлла акцентирует внимание на индивидуальных особенностях личности и задается вопросами о важности единичного, ценимого в мире помимо индивидуализма, о смысле человеческих отношений и способности открываться им благодаря любви, справедливости, поиску истины, наличию некоего общего проекта². Особое значение она придает способности к сопереживанию.

К. Кануло, подчеркивая, что отправной точкой размышлений кардинала являются достоинство личности и ее изначальная способность к диалогу, предлагает сделать данные проблемы предметом масштабной критической работы по осмыслению метанарраций о человеческой природе, отдавая приоритет гипотезам о драгоценности человека, который заслуживает спасения уже только потому, что является человеком³. Читателю предлагается сравнить авторские концепции и воззрения на проблему и самому решить, какие ему ближе. В этом редакция журнала видит собственную сверхзадачу – заставить задуматься, побудить к размышлению и, возможно, даже к углубленной рефлексии.

В данную монографию также включены некоторые результаты философских и теологических изысканий авторов, не относящихся к католической церкви, но занимающихся сходной проблематикой. Как были использованы и прочие, логично связанные с темой материалы.

Думается, что данная монография будет представлять интерес не только для специалистов, но и для широкого круга читателей, интересующихся историей, в частности историей церкви, развитием духовности и мысли, а также вопросами бытия материального и трансцендентного, земного и Божественного, возможности познваемости Бога человеческим разумом. А также темами взаимоотношения науки и религии, места последней в современном мире, интерпретации священного и прекрасного и другими вопросами, касающимися философии и религии.

Для более глубокого понимания затронутых проблем в работу были включены отдельные ключевые моменты из истории като-

¹ См.: Boella L., Canullo C., Lenoci M. Il politeismo dei valori e la cultura umana // Vita e pensiero. – Milano, 2016. – An. 99, N 2. – P. 65.

² Ibid. P. 67.

³ Ibid. P. 68–69.

лической церкви, которые также могут послужить предметом для размышлений. Таким образом, предлагаются отдельные экскурсии в прошлое философской религиозной мысли. Автор не ставит перед собой цель полностью осветить развитие последней – подобная задача представляется слишком грандиозной для небольшой монографии. Однако представляется возможным показать отдельные ее аспекты и грани, тесно связанные со многими актуальными проблемами философских и теологических изысканий современных католических мыслителей.

Среди тем, постоянно остающихся в центре внимания католической философской мысли, выделяются общие проблемы, занимавшие философов во все времена. А именно: что из себя представляет философия, какова философия прима, или первая философия, и какие реляции¹ существуют между метафизикой и божественным. В частности, этому был посвящен тематический сборник «Божественное и мировой порядок: Метафизический минимум» издательства Vita e pensiero за 2015 г. Как явствует уже из названия, в него также вошли размышления о божественном, его влиянии на организацию мира и порядка в нем, актуальности метафизики в наши дни, развитии концепций Бога, начиная с Античности и до настоящего времени, целенаправленности и целеполагания в человеческой жизни в связи с божественной провиденцией – попечительством².

Значительный интерес проявляется современными католическими мыслителями к истории философии и таким ее знаковым фигурам, как Платон (М. Мильоре, Ф. Эвстаки), Аристотель (П. Тарантино), Августин Блаженный (А. Гизалберти, С. Пинна). Освещаются и коллективные доктрины, к которым, в частности, относится иезуитская «школьная философия» Нового времени (Б. Гарсия), и концепции отдельных мыслителей Нового и Новейшего времени, среди которых Э. Штайн, Э. Гуссерль (С. Пинна) и мн. др.

¹ Реляция – системная и необходимая взаимосвязь, имеющая обязательный характер.

² См. подробнее: *Il Divino e l'ordine del mondo / a cura di Marassi M., Radice R.* – Milano: Vita e pensiero, 2015. – (Minima metaphysica); Цибизова И.М. Католическая теология и телеология в современном преломлении: божественное и мировой порядок: (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3: Философия: РЖ / РАН. ИНИОН. – 2018. – № 2. – С. 115–130.

Рассматриваются проблемы философии государства и права и ее эволюции, в частности взаимоотношения права и морали (Дж. Бенедетти), демократии и места в ней бескорыстного (Ж.-Л. Марион).

Осмысляются восприятие и понимание священного и прекрасного в динамике их взаимоотношений (М. Фумароли).

Уделено внимание теме познания и возможностей разума (П. Тарантино).

Освещаются проблемы отношения к науке и научной методологии в философской мысли как на протяжении ее истории, так и в настоящее время. В том числе – аристотелевская доктрина науки с ее экзегезами и способами их философского доказательства (П. Тарантино), вклад Галилео Галилея в становление современного научного мышления (Э. де Беллис), проблемы цифровой реальности и ее философского конципирования (К. Джаккарди), возможности взаимодействия науки и религии (Д. Антисери, Дж. Масперо, Ф. Брамбилла, Ж. Даниэлу).

Интерес проявляется к методике философской рефлексии, в том числе Платона (М. Мильоре, Ф. Эвстакии), Аристотеля (П. Тарантино).

Поднимается вопрос о том, какой исторический период можно считать временем появления «современного человека» – Средневековье или Ренессанс (Н. д'Акунто)¹.

Здесь перечислена лишь малая часть тем из обширной области, активно разрабатываемой современными католическими мыслителями.

Однако стоит отметить не только это.

Немного об истории и традициях

Католическая философская мысль имеет давние традиции. Церковь на протяжении многих веков являлась едва ли не монопольной хранительницей «суммы учености» человеческого знания, развивая философию как своеобразную «помощницу» теологии.

Первоначально, во времена патристики, наиболее популярной у христианских философов доктриной являлся неоплатонизм,

¹ См.: D'Acunto N. Se l'uomo «nuovo» nasce nel Medioevo // Vita e pensiero. – Milano, 2013. – An. 46, N 3. – P. 58–62.

из которого были преимущественно заимствованы понятийный аппарат и методика доказательной процедуры. В Средние века наиболее распространенной формой развития теологии и философии стали комментарии к рукописям Аристотеля. Весьма часты ссылки на Стагирита и в авторских трактатах этого периода. Однако выдающиеся умы, в частности Фома Аквинский, демонстрировали также блестящие знания сочинений других античных мудрецов¹. Этот мыслитель, прозванный Ангелическим Доктором, вслед за Ансельмом Великим Кентерберийским стал одним из столпов средневековой схоластики. С течением времени к списку цитируемых католическими комментаторами работ добавились также труды восточных авторов, в первую очередь арабских, например Ибн Рушда – в латинской традиции Аверроэса. Таким образом, процветала апологетика как мысль, ссылающаяся на признанных церковью предшественников. Представители Нового времени начали считать ее ретроградством. Однако многие современные религиозные мыслители, в частности Дж. Милбэнк², опровергают данную точку зрения. Этот англиканский пастор призывает понимать термин «апологетика» не в современном негативном смысле, подразумевающим исключительно опору на авторитеты, с их бездумным восхвалением при полном отказе от собственного мнения, а вспомнить исконный смысл понятия – пламенное доказательство необходимости признания каких-то идей или убеждений, отстаивание собственной правоты, своей позиции, точки зрения. Сама христианская философская мысль, как и теология, немислимы без апологетики, так как в их основе лежит Откровение. Необходимость обращения к мыслителям прошлого в попытках реконструкции, ревитализации и постоянного переосмысления их наследия также свидетельствует в пользу апологетики в философских изысканиях. Разумеется, апологетики в положительном смысле.

Однако следует отметить и то обстоятельство, что средневековые мыслители внесли в философию значительный вклад, о котором зачастую просто не знает непрофессиональный читатель. Они не только блестяще использовали доказательную процедуру, заимствованную в основном у Аристотеля, но и развили ее, довели до блеска,

¹ Berti E. Una possibile interpretazione della metafisica classica // Rivista di filosofia neo-scolastica. – Milano, 2015. – An. 57, N 1/2. – P. 329–337.

² Milbank J. Apologia dell'apologetica (purché non sia retrograda) // Vita e pensiero. – Milano, 2013. – An. 46, N 3. – P. 9–16.

прославившись строгостью логической аргументации. Многие из доведенных ими до совершенства методов доказательства применяются в современной логике. Кроме того, средневековая схоластическая логика способствовала развитию науки в целом. С одной стороны, в ряде отраслей науки применялись и применяются непосредственные методы доказательства логики, в частности индуктивный и дедуктивный. С другой – инициированные с помощью логики или в ее рамках дискуссии так или иначе, косвенно или непосредственно касались также научных проблем из других отраслей.

Схоластика, как уже отмечалось выше, являлась одной из превалирующих в период Высокого Средневековья форм западноевропейской философской мысли. Этот тип философии, принципиально подчиненный примату теологии, объединяет предпосылки религиозных догм с рациональной методикой доказательства и интересом к формально-логической проблематике.

Одной из наиболее значительных фигур в развитии средневековой схоластики является Фома Аквинский, признанный «пятым учителем церкви». Стремясь упорядочить существовавшие религиозно-теологические учения в рамках здравого смысла, он внес значительный вклад почти во все области философии, среди которых современные сторонники неосхоластики особо выделяют его теорию морали. Обращение к трудам доминиканца, осуществлявшееся и осуществляемое постоянно, предпринимается современными историками мысли как непосредственно, так и опосредованно – в частности, через его переосмысление в более поздние периоды иезуитами¹ или Э. Штайн², относившейся к мыслепостроениям Ангелического Доктора не как к «уже осознанной системе концепций», но как к «живому созданию духа», который можно ассимилировать в новую жизнь³. Впоследствии подобное было проделано в рамках концепции неотомизма, жизнеспособность которого ныне пытаются поддерживать и развивать многие католические мыслители.

¹ Garsia B. Aristotle among the Jesuits: A note concerning a recent publication // Rivista di filosofia neo-scolastica. – Milano, 2014. – An. 106, N 1. – P. 180–182.

² См.: Pinna S. Edit Stein: un dialogo tra I maestri. Tentativo di confronto tra fenomenologia di Husserl e la filosofia di San Tommaso // Rivista di filosofia neo-scolastica. – Milano, 2014. – An. 106, N 3. – P. 617–655.

³ Ibid. P. 619.

Католическая философская мысль на протяжении всей своей истории сталкивалась со множеством дискуссий. Официальная церковь неизменно стремилась брать эти дискуссии под свой контроль. Папские буллы предписывали философам надлежащую линию рассуждений, требуя постоянно сверять собственные доктрины с истинными догматами христианской веры и в случае противоречия между ними отдавать приоритет последним¹.

Одна из подобных продолжительных дискуссий зародилась и развилась в середине – второй половине XIV в., в эпоху Высокого Возрождения. Она касалась так называемой доктрины совокупных значений, или совокупного смысла², и закончилась осуждением большинства ее участников – как сторонников, так и противников данной концепции³. В основе полемики лежало утверждение о том, что все вещи в мире могут означать что-то совокупным образом. Оно было представлено Ж. Буриданом во введении к его «Физике» как проблема уникальности – единства и триединства Бога. А именно – является ли уникальность Бога совокупным смыслом констатаций «Бог есть Бог» и «Бог триедин и уникален»⁴. Более того, в ходе этого диспута, в котором участвовали У. Оккам (тезисы «бритва»), представители школы номиналистов, Григорий Риминийский, Томас Брадвардин с оксфордскими калькуляторами, Николай Орезм и Марсилиус Ингенский, также встал вопрос о том, может ли невозможное быть творением всемогущего Бога⁵. Речь зашла о вещах, обсуждения которых ни в научном, ни в каком-то ином ключе официальная церковь допустить не могла. Сам выбор предметов для размышлений был сочтен церковными властями весьма опасным, способным породить вредные для веры сомнения,

¹ См.: Sgarbi M. Ludovico Beccadelli sull'immoralita del'anima: Una prospettiva in lingua volgare // Rivista di filosofia neo-scolastica. – Milano, 2014. – An. 106, N 3. – P. 662.

² Также встречается и ее определение как доктрины «агрегатного смысла», заимствованное из переводов с английского языка.

³ См. подробнее: Nannini A. Pierre Ceffons di Clairvaux. La questione dei «*Significabilia complexe*» intorno al 1350. III. Pierre Ceffons // Rivista di filosofia neo-scolastica. – Milano, 2016. – An. 58, N 2. – P. 371–401.

⁴ Ibid. P. 378.

⁵ См.: Ghisalberti A. Fisica aristotelica e onnipotenza divina nella filosofia del sec. XIV // Il Divino e l'ordine del mondo / a cura di Marassi M., Radice R. – Milano: Vita e pensiero, 2015. – P. 145–146. – (Minima metaphysica).

и они приняли в отношении ее участников весьма суровые меры, сопровождавшиеся ужесточением политики Папы Римского.

Однако данная дискуссия стала очередным этапом развития логики, как схоластической, так и светской, а также вывела на новый уровень методологию и общую концепцию науки¹, сформировав более глубокое понимание в первую очередь логических объектов как элементов, составляющих сознание. Как и в очередной раз подтвердила идею, отстаиваемую среди прочих Дж. Масперо, согласно которой как научная, так и религиозная мысль развиваются благодаря кризисам². Понимая, что кризисы выявляют слабые места той или иной теории, помогают найти новые решения, пути или отказаться от старых, тупиковых, современная католическая церковь активно использует подобную форму обсуждения, как на организованных ею семинарах и конференциях, так и на страницах своих журналов.

Другая значительная дискуссия, потрясая церковь в ту же эпоху Ренессанса, разгорелась по проблеме бессмертия души³. Она со всей очевидностью продемонстрировала то, что не всегда даже в высшем церковном руководстве наблюдалось единство в отношении отдельных концепций в частности и философской мысли в целом. Большинство мыслителей данного периода придерживались мнения о бессмертии души и возможности философского доказательства этого. Так в том числе утверждалось в булле Римского Папы Льва X от 19 декабря 1513 г. Кроме того, в ней прозвучал призыв к священнослужителям посвятить все свои силы разъяснению пастве данных положений и необходимости отрицания так называемых доктрин двойной истины⁴. Философам предписывалось сверять все собственные концепции с истинными догматами христианской веры, а в случае противоречия между ними однозначно делать выбор в пользу последних. Однако будущий глава доминиканского ордена

¹ Nannini A. Pierre Ceffons di Clairvaux. La questione dei «*Significabilia complexa*» intorno al 1350. III. Pierre Ceffons // Rivista di filosofia neo-scolastica. – Milano, 2016. – An. 58, N 2. – P. 399–400.

² См.: Maspero G. La fisica contemporanea e la teologia trinitaria possono avere qualcosa in comune? Un suggerimento dall'ontologia relazionale // Rivista di filosofia neo-scolastica. – Milano, 2016. – An. 58, N 2. – P. 321–333.

³ См.: Sgarbi M. Ludovico Beccadelli sull'immortalità dell'anima: Una prospettiva in lingua volgare. Rivista di filosofia neo-scolastica. – Milano, 2014. – An. 106, N 3. – P. 657–686.

⁴ Ibid. P. 661–662.

Томмазо де Вио, он же кардинал Фома Каэтан, вместе со своими сторонниками придерживался еще более жесткой позиции, отрицая вторую часть формулы. По его мнению, такие положения, как, например, бессмертие души, не нуждаются в философской аргументации. Доказать их логически невозможно – уверенность в них способна обеспечить лишь вера¹.

Отношение католических мыслителей к эпохе Возрождения, в которую проходила вышеуказанная полемика, в целом довольно сложно и неоднозначно. С одной стороны, она подарила католической церкви бессмертные шедевры Леонардо да Винчи, Рафаэля, Микеланджело, во все времена вызывающие благоговейное восхищение. С другой – породила неслыханную свободу мысли, которая, по мнению многих христианских теологов и философов, не оставила ничего святого². Для католической церкви особенно остро встал вопрос о разделении среди служителей божественного культа, допускающего лишь аудиторию посвященных, освобожденных от нечистоты обширного внешнего мира светских людей, и осуждении тех, кто нарушает служение, требуемое божеством³. Во многом эта проблема была связана с тем, что данная эпоха поставила в центр Богочеловека, Иисуса Христа, подчеркивая в нем в первую очередь принадлежность к роду человеческому. Церковь же стремилась сохранить недоступную таинственность божественного, дистанцируя его от мирского. В результате началось множество острых диспутов, продемонстрировавших отсутствие единства среди самих священнослужителей, что привело к ужесточению политики Льва X, постаравшегося сплотить католические ряды, одновременно ограничивая свободомыслие.

Изменению церковной политики, как обычно бывало в подобных случаях, сопутствовали суровые меры, направленные против тех, кто порождал опасные – с точки зрения клира – сомнения. Они принимались Святым престолом даже против признанных пападинов веры, например генерала ордена августинцев-еремитов Григория Риминийского. Меры эти варьировались от наложения

¹ Sgarbi M. Ludovico Beccadelli sull'immoralità del'anima: Una prospettiva in lingua volgare. *Rivista di filosofia neo-scolastica*. – Milano, 2014. – An. 106, N 3. – P. 657–686.

² Fumaroli M. Il ritirarsi del sacro, mistero di violenza e bellezza // *Vita e pensiero*. – Milano, 2011. – An. 94, N 5. – P. 79–80

³ Ibid. P. 78.

епитимьи и осуждения до сожжения на костре, что заставляет вспомнить о печальной участи среди многих прочих Жанны д'Арк и Джордано Бруно.

Жанна д'Арк была признана еретичкой и отправлена на костер. Невиданное дело: ей, слабой женщине, удалось то, на что оказались не способны или попросту побоялись сделать сильные и здоровые мужчины, – возглавить французскую армию и добиться решающего перелома в войне с англичанами. Фактические обвинения против нее основывались лишь на тех обстоятельствах, что воительница носила мужскую одежду и слышала якобы исходящие от дьявола голоса, которые повелевали ей способствовать освобождению родной страны. Орлеанская дева была признана виновной и сожжена в 1431 г., а уже в 1457 г. результаты процесса против нее были опровергнуты свидетельскими показаниями и аннулированы. Доброе имя Жанны было восстановлено, а в 1920 г. Папа Римский Бенедикт XV канонизировал ее, причислив к лику святых.

Случаи Джордано Бруно и Галилео Галилея – совершенно другое дело.

Джордано Бруно начинал как доминиканский священник, но, обвиненный в чтении запрещенных книг, перебрался в Швейцарию и обратился в кальвинизм; вскоре он также был обвинен в ереси новыми братьями по вере. Он преподавал и издавал свои труды в Париже и Лондоне, где проповедовал не кальвинистскую доктрину, а правильность коперниканской системы еще до обобщения ее Галилеем. Бруно читал лекции, правда, очень недолго, также в Марбургском, а затем в Виттенбергском университете, а его труды о магии печатались в Праге. Вновь обвиненный в отступничестве от веры и арестованный в Венеции в 1592 г., он был передан в Рим и – после шестилетнего пребывания в тюрьме – в 1600 г. возведен на костер, так и не отказавшись от собственных взглядов. Показательно, что в вынесенном ему приговоре даже не упоминалось о гелиоцентрической системе в частности и науке в целом. Открытие памятника ученому в Риме на Площади цветов, где он был сожжен, в 1889 г. вылилось в мощную антипапскую демонстрацию. В 2000 г. кардинал Анджело Сондано назвал казнь Бруно «печальным эпизодом», однако отказался осудить действия инквизиции, которая, по его словам, сделала все возможное, стремясь сохранить обвиняемому жизнь. Иоанн Павел II также отверг просьбы о реабилитации ученого, ссылаясь, в частности, на распространяемые

Бруно убеждения в том, будто существование множества миров не противоречит Священному Писанию.

Галилей, которого многие ныне считают одним из основоположников современной науки, относился к мирянам и был осужден за поддержку гелиоцентрической системы Коперника. Суд над ним состоялся в 1633 г., и Коперника признали «сильно заподозренным в ереси», что спасало его от костра, но фактически обрекало на то, что оставшиеся годы жизни он проведет под домашним арестом и надзором инквизиции. В 1992 г. тот же Иоанн Павел II официально признал результаты данного процесса ошибкой инквизиции, которая силой вынудила ученого отречься от своих взглядов.

Это лишь три наиболее известных печальных эпизода из истории католической церкви, долгое время остававшейся символом борьбы против свободы мысли. Однако они являются весьма показательными и демонстрируют способность Святого престола со временем признавать собственные ошибки в тех случаях, когда речь не идет о противоречиях догматам веры.

Опора на Аристотеля, а также Темистия, считавшегося официальными церковными властями лучшим средневековым интерпретатором античного философа, в целом типична для контрреформации¹, следовавшей за эпохой Возрождения. Католическая церковь продолжала, как это делала на протяжении многих веков, хранить и развивать наследие античной мысли. Теологи демонстрировали блестящее знание древнегреческих и древнеримских философов. Картезианцы к тому же позаимствовали из Античности практику упражнений для разума, способствующих духовному и интеллектуальному росту, развитию души, усовершенствованную и успешно применявшуюся затем иезуитами². Как видно из используемых здесь работ, этот интерес актуален для католических мыслителей и в наше время. Их представители вновь и вновь ревитализируют и переосмысливают не только древнегреческих и древ-

¹ Sgarbi M. Ludovico Beccadelli sull'immoralita del'anima: Una prospettiva in lingua volgare. – Rivista di filosofia neo-scolastica. – Milano, 2014. – An. 106, N 3. – P. 668.

² См. подробнее: Garsia B. Aristotle among the Jesuits: A note concerning a recent publication // Rivista di filosofia neo-scolastica. – Milano, 2014. – An. 106, N 1. – P. 177–193.

неримских, но и христианских авторов, в том числе Августина Блаженного¹, Фому Аквинского и мн. др.

Время Контрреформации, отмеченное усилением противостояния церкви со светской мыслью, тем не менее нельзя считать периодом застоя в католической философской мысли.

Данный период знаменуется развитием мистического направления в католицизме. Одной из ведущих фигур в этом движении стал Антонио Розмини-Сербатти, чье имя дало название течению розминянизма, определяющемуся как католический спиритуализм². Пройденный мыслителем жизненный путь от юноши, которым настолько владел универсалистский дух, что он заменил понятие «я» понятием «душа», постоянно подчеркивая примат последней³, до философа, заслужившего прозвище Зверь, и по сей день удивляет многих исследователей, поражающихся, как утверждавший в юности: «У Него (Бога) Гордецы никогда не выигрывают. В выигрыше смиренные»⁴ и «Клятвопреступники несчастны повсюду, так как не могут бежать от самих себя»⁵ – перешел к значительно более практичным суждениям, в частности о деньгах как о «всеобщем викарии» или «викарии всех вещей»⁶.

Школы католической мысли раннего Нового времени унаследовали от Средневековья не только большинство философских и теологических доктрин, но и манеру комментирования и подхода к текстам. По-прежнему сохранялась приверженность схоластике. Однако Возрождение не могло не оставить в схоластике своего следа, что в первую очередь отразилось в филологическом и историческом критицизме, сторонники которого отдавали предпочтение более древним, вновь открытым комментаторам античных мыслителей, при этом возвращаясь также и к оригинальным источникам. В начале этого периода появляется целый ряд интересных доктрин, официально основывающихся на трактовке Аристотеля, но открывающих множество новых направлений, тесно связанных с прежними

¹ См., например: Gisalberti A. *Agostino il suicidio e la ricerca della felicità // Vita e pensiero.* – Milano, 2012. – An. 45, N 4. – P. 111–118.

² См.: Malusa L., Zanardi S. *Le lettere di Antonio Rosmini-Serbatti un «cantiere» per lo studioso: Introduzione all'epistolario rosminiano.* – Marsilio: Venezia, 2013. – 174 p.

³ Ibid. P. 145.

⁴ Ibid. P. 72.

⁵ Ibid. P. 76.

⁶ Ibid. P. 62.

духовными практиками. В частности, это касалось уже упоминавшейся развитой иезуитами доктрины упражнений для разума¹, которые в той или иной мере использовались еще античными мыслителями, а затем и картезианцами. Думается, что именно представители иезуитского ордена в данный период определяли многие направления развития католической философской мысли, создав так называемую «школьную философию», институциональную по своей природе и преподносимую как идеал унифицированного совместного знания, которому можно обучиться².

Одним из видных представителей католической философии этого времени является Бенедикт Перерий, предложивший разделение метафизики на «первую философию», или «универсальную науку», с одной стороны, и «божественную науку», или «теологию», – с другой. Универсальная наука впоследствии получила название онтологии. Она занималась сущим, трансцендентальным и бытием, осмысливая подразделение последнего на категории. Теология же имела дело с нематериальной реальностью³.

Отношения с философией у христианской церкви в целом и католической в частности на протяжении всего ее существования складывались довольно противоречиво. Самих авторов, составителей и кодификаторов Святого Писания нельзя не отнести к необычайно тонким и талантливым мыслителям. Заложенный в Библии смысл крайне глубок и многогранен. Многие стихи Евангелического послания в разные эпохи толковались по-разному: их контекст и подтекст рассматривался и интерпретировался с разных сторон на новых этапах развития человеческого общества, постепенно раскрываясь все с новых и новых сторон в зависимости от способности людей истолковывать их.

Святого апостола Павла многие позиционируют как мыслителя, от которого берут начало современные философы⁴. По словам Ф. Ницше и Я. Таубеса, он подвергает своему суждению весь архаический потенциал древности – ниспровергает космический и исторический порядок и революционизирует отношения человек –

¹ Garsia B. Aristotle among the Jesuits: A note concerning a recent publication // Rivista di filosofia neo-scolastica. – Milano, 2014. – An. 106, N 1. – P. 181–184.

² Ibid. P. 180–181.

³ Ibid. P. 186.

⁴ См. подробнее: Scilironi C. E i filosofi contemporanei ripartano da san Paolo // Vita e pensiero. – Milano, 2018. – An. 101 (51), N 5. – P. 92–99.

мир – Бог¹. Апостол поставил человека перед границами превосходящего его Абсолюта, отрицая самодержавие духа, возможность добровольно определять свою судьбу, самостоятельное спасение. Это представляет повод для осуждения тех, кто считает, что человек и космос неизбежно лежат в основе всего сущего². А. Бадью представляет Святого Павла антифилософским теоретиком универсальности, гениальным противником философии, предупреждающим любого философа о том, что условия универсалии нельзя выразить в концепциях ни относительно происхождения, ни относительно предназначения. Первое видится ему в евангелическом событии, своеобразной благодати, превосходящей по величине любую конкретность, второе – в новом субъекте, «воине истины». Для постструктуралиста послания апостола Павла – значительный вклад в не являющуюся метафизической мысль, способную к возвышенному отношению к истине и субъекту³.

Отринув многие из философских идей предшественников, в частности учение о сущностях, в связи с непознаваемостью сущности Бога и познаваемостью всего остального только посредством реляции с Ним, первые христианские мыслители, нуждающиеся в обосновании нового мировоззрения, сделали упор на реляционную онтологию и значительно развили ее наряду с эпистемологией, достигнув прогресса и в естественных науках, в то время также относившихся к философии.

На протяжении последующих периодов церковь, с одной стороны, демонстрировала глубокое уважение к древнему наследию и стремление быть в курсе всех остальных направлений, появившихся в философской мысли, зачастую монополизируя эти достижения в развитии мысли и исследовании древнего наследия и скрывая их за стенами монастырей. Философия официально считалась опорой теологии, ее необходимым инструментом. С другой стороны, мыслителям предъявлялось неизменное требование отдавать приоритет вере, если ее догматы противоречат философским выводам. В противном случае против них применялись весьма суровые меры. Философия включалась в теологию как ее «нижняя часть», в то время как «высшая» непосредственно связывалась с

¹ См. подробнее: Scilironi C. E i filosofi contemporanei ripartano da san Paolo // Vita e pensiero. – Milano, 2018. – An. 101 (51), N 5. – P. 92.

² Ibid. P. 93.

³ Ibid. P. 98–99.

догматами, божественным откровением – тем, что воспринимается исключительно через веру. Между тем многие католические мыслители, в первую очередь все тот же Фома Аквинский, уделяли большое внимание философскому доказательству существования Бога, тщательно изучая и контраргументы противников. Довольно часто официальная католическая церковь запрещала развивавшиеся на данной почве дискуссии, находя их угрожающими вере и опасными для своих устоев. Однако интерес к ним в определенной мере сохраняется и в наше время наряду с крайне осторожным отношением к теме. С третьей стороны, долгое время наблюдалось резко отрицательное отношение к атеистической философии, к представителям которой иногда причисляли даже людей глубоко верующих, в том числе Г.В.Ф. Гегеля. Интересно, что некоторые католические мыслители даже считали принадлежность к христианству фактором, облегчающим доступ к развитию разума и интеллектуальному познанию¹. Другие акцентировали внимание на том, что так называемая «философия философов» – имеется в виду мысль светская – в результате отрицания транссубъективных структур может привести к гипертрофии священного². Признавая важность изучения гуманитарных наук для самосовершенствования, служители католической церкви тем не менее подчеркивали необходимость делать это во славу Господню³. Именно преумножением славы Господней иезуиты Нового времени считали собственный вклад в науку, поощряя стремление своих собратьев, членов ордена, к научным исследованиям⁴. Подобное крайне внимательное отношение к развитию как философской, так и остальной научной мысли во всех ее проявлениях сохраняется у католической церкви в настоящее время.

¹ Vella A. Il ruolo delle credenze religiose nell'ascesa intellettuale a Dio in una *Quaestio* di Giovanni di Jandun sulla possibilità di conoscenza delle sostanze separate // Rivista di filosofia neo-scolastica. – Milano, 2017. – An. 59, N 1. – P. 142–143.

² Garsia B. Aristotle among the Jesuits: A note concerning a recent publication // Rivista di filosofia neo-scolastica. – Milano, 2014. – An. 106, N 1. – P. 180.

³ Ibid. P. 183.

⁴ Ibid.

Материальное и компьютерное как отражение новых коммуникативных возможностей и проблема единства реальности

Современная католическая церковь не упускает из сферы внимания новейшие достижения прогресса, в том числе цифровые технологии. Ее мыслители неоднократно отмечали таинственное взаимное притяжение, существующее между передовыми технологиями и теологией¹. Боги маркетинга стремятся сделать только что появившиеся технологии культовыми для общества, его новой религией. Некоторые представители религиозной философии и теологии, со своей стороны, внимательно следят за технологическими достижениями, интерпретируя их фактические и возможные последствия для жизни человечества, а также проблему взаимоотношения материального и компьютерного миров, которая заявила о себе громко и отчетливо.

Тем, кто выражает опасения в том, что виртуальное может представлять угрозу для «истинной» реальности², католические мыслители постоянно напоминают, что человек един³, хотя соединяет в себе материальное и духовное, как едина и реальность, хотя последняя имеет множество измерений. В признании ее единства и многообразия многим видится возможность для открытия символического, а возможно, даже трансцендентного пути развития мысли и общества⁴. Подобное отношение, по мнению сторонников данной концепции, позволит обеспечить более трезвое видение будущего. Без страха перед ангелом истории, неизбежно влекущим человечество вперед. С этой целью ими предлагается постоянно осмысливать и переосмысливать все аспекты ставшей объективной реальностью цифровизации мира и общества, отмечая как положительные, так и отрицательные черты данного явления. Причем делать это следует без предубеждения, ради сохранения достойной жизни и этики во времена Интернета, различая, но не отделяя друг от друга, как подобает христианам, материю и дух, созерцание и действие,

¹ См.: Vaccaro A. Una teologia per i robot (e persino un Decalogo) // Vita e pensiero. – Milano, 2018. – An. 101, N 4. – P. 100–103.

² Giaccardi C. Ripensare il reale nell'epoca del digitale // Vita e pensiero. – Milano, 2012. – An. 95, N 6. – P. 129.

³ Ibid. P. 128.

⁴ Ibid.

молчание и слово, пафос и логос, истину и жизнь¹, постоянно имея в виду то, что помогает в нашем мире приблизить людей к тому, что завещано Иисусом Христом. Отдавая себе отчет в произошедших изменениях, стоит ориентироваться на человека с его слабостями и лучшими проявлениями,² а не становящуюся все более привлекательной модель киборга³. Нужно, вопреки мнению К. Джаккарди, цитировавшего Р. Гвардини, «пытаться сохранить чудесный мир, который неизбежно исчезает»³, тщательно сберегая в нем наиболее важное для духовного развития и будущего человечества. Первый шаг в данном направлении к «освобождению из тюрьмы материализма» этот итальянский философ видит именно в признании богатства и многообразия реальности⁴ вопреки «материальному монизму» (автором данного экспрессивного термина является Гислан Лафонт), неизбежно и чрезмерно упрощающему положение вещей⁵. При этом не обязательно становиться «компьютерными туземцами», энтузиастами, находящимися «глубоко внутри» цифрового мира. Однако позиции компьютерных пессимистов, рискующих остаться «вне» этого мира, также представляются безосновательными и уязвимыми⁶. Выход видится в спокойном вдумчивом использовании современных технологий, утверждении в данной области, по крайней мере в качестве «иммигрантов»⁷, при глубоком исследовании специалистами, в том числе и философами, их роли в совокупной, и конкретно в духовной, жизни общества. Онтология нашей эры, помимо того что она необходима в теоретической сфере, является условием достойной жизни, этики времен Интернета. Джаккарди предлагает не преклонение перед «кибертеологией», а, как говорил Антонио Спарато в своих размышлениях о ней, возможно, даже переосмысление вопросов веры в новом свете изменившейся реальности⁸. Причем переосмысливать их рекомендуется, преодолев неспособность видеть новое направленным вдаль взглядом, не противопоставляя цифровое материальному и избегая фетишизации

¹ Giaccardi C. Ripensare il reale nell'epoca del digitale // Vita e pensiero. – Milano, 2012. – An. 95, N 6. – P. 126.

² Ibid. P. 128.

³ Ibid. P. 123.

⁴ Ibid. P. 129.

⁵ Ibid. P. 128.

⁶ Ibid. P. 124–125.

⁷ Ibid. P. 126.

⁸ Ibid.

реальности¹, но помня о ее единстве, богатстве, разнообразии, материальности и нематериальности одновременно и несводимости к чисто физическому присутствию². Таким образом, итальянский мыслитель защищает концепцию «плюралистического монизма», который рассматривает не противопоставление атомов и байтов друг другу, но лишь их «единство в разности»³. Так, учитывая «единство сложно составленного бытия» (это формулировка того же Лафонта⁴), он считает возможным преодолеть «тяжелое наследие дуализма», который, по его и не только его мнению, «отравляет культуру Запада» со времен Платона⁵. Согласно Дж. Полкингхорну, к решению подобной задачи в поиске истины теистическая метафизика приспособлена больше, нежели атеистическая⁶. У представителей данного направления есть вера, стремление сохранить христианские заповеди и этику в жизни общества, и именно это повышает в глазах англиканского пастыря ценность подобного мышления, развиваемого многими католическими философами.

Относительно утверждения единства реальности можно вспомнить концепцию Платона, который еще в «Филебе» говорил, что каждая реальность должна рассматриваться и как целое и как единство всех частей, а именно как множественное⁷ и единичное в одно и то же время. То есть, несмотря на присущую ей двойственность и множественность, реальность воспринимается и в целостности, и в единстве всех ее составляющих. Можно обратиться также к истокам дошедшей до нас античной философии. По Анаксимандру, невозможно, чтобы что-то существовало отдельно, все

¹ Giaccardi C. Ripensare il reale nell'epoca del digitale // Vita e pensiero. – Milano, 2012. – An. 95, N 6. – P. 125.

² Ibid. P. 126–127.

³ В пользу концепции монизма реальности говорит и античная – об этом писал помимо прочих и Варрон – гипотеза о человеке как состоящем из тела и души, а также о невозможности раздельного существования души и тела. – Gisalberti A. Agostino il suicidio e la ricerca della felicità // Vita e pensiero. – Milano, 2012. – An. 45, N 4. – P. 111–118, p. 114.

⁴ Giaccardi C. Ripensare il reale nell'epoca del digitale // Vita e pensiero. – Milano, 2012. – An. 95, N 6. – P. 129.

⁵ Ibid. P. 128.

⁶ Polkinghorne J. Amici scienziati, la religione non è irrazionale // Vita e pensiero. – Milano, 2012. – An. 95, N 2. – P. 89.

⁷ Eustacchi F. «Il disordine ordinato»: Il riuscito tentativo di proporre una nuova interpretazione di Platone publication // Rivista di filosofia neo-scolastica. – Milano, 2014. – An. 106, N 1. – P. 169.

(вещи) являются частями всего. Следовательно, все заключается во всем. Значительно позже Николай Кузанский, одна из центральных фигур европейской мысли, определивших ее поворот от средневековой схоластики к гуманистическим течениям, писал, что содержания бытия одной вещи не могло бы быть без другой вещи, что все каким-то образом взаимосвязано¹.

Небольшая, но крайне насыщенная статья К. Джаккарди вызывает целый ряд ассоциативных размышлений. Прежде всего, приходит на ум извечная проблема принятия / неприятия человеком нового. Автор заставляет вспомнить о том, с каким трудом новое всегда пробивало себе дорогу в жизнь. И оставалось в ней, если доказывало свою полезность, прочно укореняясь в человеческом существовании. Речь идет не об изобретениях и явлениях, вспыхнувших и промелькнувших как однодневные сенсации, а о глобальных событиях в истории, зачастую поначалу незамеченных, недооцененных, непонятых или понятых неправильно. Таким явлением стала и сама глобализация мира, воспринимавшаяся на первых порах рядом мыслителей с откровенным страхом и неприятием. Однако как наступление глобализации, так и развитие глобальных же компьютеризации и цифровизации – уже свершившиеся факты, прочно утвердившиеся в реальности и ставшие неременными ее составляющими. В связи с этим еще более важной представляется проблема сохранения «старого чудесного мира». Это сохранение видится не в безнадежном цеплянии за устаревшее, отжившее свой век, но в тщательном перенесении в новую жизнь и дальнейшем развитии самой человеческой духовности, базирующейся на мировой, и в том числе европейской, мысли и на вечных ценностях, проповедуемых христианской церковью.

Наличие очевидного притяжения между теологией и технологией констатирует сотрудник Института религиозных наук св. Ипполито Галантини во Флоренции А. Ваккаро². Более того, он считает данное явление «знаком времени» в свете все более интенсивного развития искусственного интеллекта и теологической реакции на данное явление (в форме интернет-проекта для верующих англиканской церкви «Алекса»; официального сайта «Этика, био-

¹ Melchiorre V. Sul divino e sulle costituzione della coscienza simbolica // Rivista di filosofia neo-scolastica. – Milano, 2015. – An. 57, N 1/2. – P. 356.

² См.: Vaccaro A. Una teologia per i robot (e persino un Decalogo) // Vita e pensiero. – Milano, 2018. – An. 101, N 4. – P. 100–103.

этика, технология» католического теолога Паоло Бенанти; теории «кибертеологии» отца Антонио Спарадо; проектов, связанных с созданием «Катехизиса для робота» и «Торы для робота»). По мнению итальянского мыслителя, на повестку дня вновь выходит проблема кризиса трех законов робототехники, сформулированных А. Азимовым с помощью писателя и редактора Джона Вуда Кэмпбелла-младшего еще в 1940 г. Основным для данного дискурса является вопрос о том, сможет ли робот обрести самосознание и свободу действий. В частности, согласно Г. Бриггсу, стоило бы учить роботов не повиноваться людям, если последние ошибаются в силу дурных намерений или ограниченных взглядов¹. Ваккаро предупреждает о том, что с тех самых пор, как проблема атрибуции «эго» робота привела к дискурсу о значении понятий «сознание», «свобода», «воля» в границах рассуждений, развитых технологией посредством множества полезных приспособлений с важнейшими функциями, которые можно определить как ее «духовное использование», человек призван самым основательным образом осмысливать собственное существование².

В этом свете представляется особенно важным относиться к компьютерным технологиям и обусловленным их появлением гаджетам – мобильным телефонам, смартфонам, айфонам и многим другим – не как к «новым идолам», вызывающим либо преклонение, либо неприятие, а как к простым (хотя не в технологическом смысле) приспособлениям, отнюдь не обедняющим человеческую духовность, не превращающим человека в киборга, а помимо всего прочего помогающим в работе представителям многих профессий, среди которых и ученые, в том числе философы. Это технические артефакты, способные преумножить фактические данные и знания, но отнюдь не заменить человеческое мышление³. Философам данные технологии обеспечили упрощение доступа к сокровищам мировой мысли, а также облегчили возможность научного обмена, в частности обмена идеями.

Недвусмысленно в данном ключе звучит предостережение против «фетишизации реальности», распространившейся в мире

¹ См.: Vaccaro A. Una teologia per i robot (e persino un Decalogo) // Vita e pensiero. – Milano, 2018. – An. 101, N 4. – P. 102.

² Ibid. P. 103.

³ См.: Palano D. La «fine della teoria. Scienze sociale al capolinea? // Vita e pensiero. – Milano, 2018. – An. 101, N 4. – P. 108–116.

со времен Просвещения. При всем признании достижений Просвещения, уважении к материальной сфере, понимании необходимости ее благ для современного человека и цивилизации в целом¹ данное предупреждение напоминает о столь же актуальной потребности в сфере духовной, созданных человечеством на протяжении своей истории ценностях, тех самых, от которых Просвещение частично отказалось. Потребности в духовности как в одном из средств защиты современного человека от разрушающего всесильного и неостановимого потребительского джаггернаута². Человеку предлагается вновь обрести «свою оригинальную душу», христианскую и современную, вернуть героике религии и церкви в общество³, искать то, что объединяет людей и страны и останется нерушимым⁴.

Следующая группа проблем – сугубо философских – относится к обсуждаемому еще с Античности вопросу о единстве реальности. Трансцендентное, несомненно, не сводится и не может сводиться к материальному, да и попросту не совпадает с ним. Однако реальность – это то, что их объединяет, то третье, которое, по Платону, связывает бытие и мышление как «пару волов»⁵. То,

¹ Подобное понимание характерно для основоположников протестантизма, установивших так называемую «двойную мораль» и утверждавших, что хотя христианину не следует заботиться о деньгах, он должен заботиться о материальных благах, поскольку они определяют его положение в мире. – Bruni L. *Gli spiriti del capitalismo. Breve giudo al loro discernimento // L'Europa, la malata di cristianesimo / a cura di Colombo G.* – Milano: Vita e pensiero, 2015. – P. 97–119. – P. 117. – (Filosofia ed esperienza religiosa).

² Так эмоционально описывает возможность гибели человеческого под колесами гигантского грузовика потребительства Ш. Макграт, в случае если люди слишком увлекутся «теологией потребления», хотя объективно признается то, что все они, в том числе и сам автор, ныне принадлежат к этой «церкви». – McGrath S.J. *Philosophy as a spiritual practice: An old idea whose time has come // Wisdom and philosophy: Contemporary and comparative approaches / Ed. by Moeller H.-G., Whitehead A.K.* – London; N.Y.: Bloomsbury, 2016. – P. 149–162.

³ Marassi M. *L'identità europea e i suoi molteplici caratteri // L'Europa, la malata di cristianesimo / a cura di Colombo G.* – Milano: Vita e pensiero, 2015. – P. 124–125. – (Filosofia ed esperienza religiosa).

⁴ Magatti M. *Il futuro dell'Europa sta in un nuovo immaginario politico // L'Europa, la malata di cristianesimo / a cura di Colombo G.* – Milano: Vita e pensiero, 2015. – P. 143. – (Filosofia ed esperienza religiosa).

⁵ См.: Платон «О государстве» 507 е5–508 а2. Цит. по: Копривица Ч.Д. Шта је тајна? Разматрања платоновске и просвјетитељске конфигурације

что осуществляет конвергенцию двух данных сфер, устанавливая между ними соответствующие взаимоотношения. Так что и у этого древнегреческого мыслителя, обвиняемого многими философами в драматичном разделении этих миров, введении «отравляющего философию» дуализма, демонстрируется признание того, что «между дуализмом двух частей и монизмом одной-единственной существует единство сложно составленного бытия», как это уже в 2011 г. сформулировал Гислейн Лафонт в работе «Что мы разделяем?»¹.

Возможно, призыв Джаккарди – сделать «первый шаг к освобождению из тюрьмы материализма и открытию символического, спиритуального и, возможно, даже трансцендентального пути»² – покажется многим слишком общим и пафосным, но философы, особенно связанные с религией, продолжают надеяться на лучший, более безопасный и гуманный путь развития не только науки, но и всего человечества, лучшее будущее для последнего. Сохранение и развитие этики в эпоху Интернета представляется им особенно ценным и важным, но существует и перспектива параллельной разработки в будущем отдельных проблем онтологии и даже метафизики при использовании новых пластов информации и глубокой рефлексии над ними. Актуальным представляется также утверждение для философии задачи, состоящей в переосмыслении рамок, в которых произошли все глобальные изменения³ последнего времени. Однако подходить к данным проблемам следует, крайне трезво и строго определяя их ценность и значение, без экстраполяции идеологии и риторики на уровень философской аргументации. Многие философы – и не только они – прекрасно помнят, как подобная экстраполяция приводила к появлению тоталитарных идеологий, оправдывавших существование таких же режимов. В связи с этим в философской среде сохраняется решимость не допустить данных тенденций в настоящем и будущем. На подобных позициях стоят и современные католические мыслители.

тајанствености // Глас. Српска академија наука и уметности. Одељење друштвених наука. – Београд: САНУ, 2016. – Т. 426, књ. 32. – С. 208.

¹ Giaccardi C. Ripensare il reale nell'epoca del digitale // Vita e pensiero. – Milano, 2012. – An. 95, N 6. – P. 129.

² Ibid.

³ Ibid. P. 127.

Взаимоотношения науки и религии

Значительное внимание уделяет католическая церковь размышлениям представителей других христианских конфессий (впрочем, как и мыслителей светских), регулярно публикуемых в журналах Католического университета Святого Сердца в Милане. Особенно когда это касается выдающихся фигур, например, английского физика, математика, англиканского пастора и философа Джона Полкингхорна, и такой темы, как призыв к «друзьям ученым» признать, что религия не является иррациональной, что в ее основе, как и в основе науки, лежит цель поиска истины¹. Стоит сразу возразить этому автору, утверждающему, что наука попросту оставляет в стороне проблемы духовной ценности и значения² изучаемых вещей, или уточнить, что в данном случае имеются в виду точные и естественные науки, так как эти вопросы являются одними из центральных в общественных и гуманитарных дисциплинах, в частности в философии.

Вопрос об отношениях двух соперниц – во всяком случае, так науку и религию чаще всего определяют ныне – поднимался на всем протяжении общей истории христианства, и в частности католичества. Начиная с теологических и философских изысканий первых Отцов Церкви, в течение всего Средневековья, когда монастыри являлись центрами учености и аккумуляции знания, наука и религия помогали друг другу, порождая гениев теологической и философской мысли, например Фому Аквинского. Иоанн Жандунский настоятельно подчеркивал, что сама принадлежность к христианской вере способствует научным занятиям³. Хотя в Новое время пути науки и религии разошлись, иезуиты успешно сочетали теологические и научные изыскания. К. Ранер, уделявший самое пристальное внимание взаимоотношениям науки и религии, видел возможность их сближения. Для этого он считал необходимым найти способы убрать «слепые пятна», а также превзойти предрассудки

¹ Polkinghorne J. Amici scienziati, la religione non è irrazionale // Vita e pensiero. – Milano, 2012. – An. 95, N 2. – P. 82.

² Ibid. P. 83.

³ См.: Vella A. Il ruolo delle credenze religiose nell'ascesa intellettuale a Dio in una *Quaestio* di Giovanni di Jandun sulla possibilità di conoscenza delle sostanze separate // Rivista di filosofia neo-scolastica. – Milano, 2017. – An. 59, N 1. – P. 131–145.